

КАНТ И «МОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ» СОВРЕМЕННОСТИ

В. А. Чалый^{1,2}

В канун трехсотлетия Канта, как и сто лет назад, кантианство испытывает одновременно удары истории и атаки соперничающих философских партий, как прогрессистских, так и реакционных. Общее для радикальных крыльев тех и других партий – переживание современности как тягостного, тошнотворного состояния, которое необходимо преодолеть разрывом и уходом в прошлое либо в будущее. Один из самых оригинальных и глубоких диагнозов этой установки предложил Ханс Йонас, усмотревший в радикальных доктринах столетней давности сходство с позднеантичным гностицизмом. Диагноз Йонаса не утратил актуальности, поэтому центральная проблема этого исследования звучит так: какой рецепт предлагает кантианская программа от «гностического головокружения» современности? Я утверждаю, что критический переворот Канта служит работающей стратегией компенсации неожиданных перегрузок и «гностических позывов», спровоцированных современной мировоззренческой революцией, возвращает «ориентацию в мышлении», с которой возвращается ориентация в мировом процессе и в индивидуальной деятельности. Требование всегда видеть и уважать человечность в конкретном человеке предупреждает от «категориальной ошибки», совершаемой современными радикалами в приписывании агентности (субъектности) не могущим обладать этим качеством нечеловеческим абстракциям. В теоретическом отношении Кант обосновывает необходимость смириться с ограниченностью и локальностью человеческой перспективы. Кантовская практическая философия снабжает путешественника картой регулятивных идей и «моральным компасом» с объяснением искажающих его работу факторов, дает рабочее объяснение ситуации и ее

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. А. Невского, д. 14.
Поступила в редакцию: 14.12.2023 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-4

KANT AND “SEASICKNESS” OF MODERNITY

V. A. Chaly^{1,2}

On the eve of the tercentenary of Kant’s birth, just as it was a hundred years ago, Kantianism is simultaneously on the receiving end of the blows of history and attacks by rival philosophical parties, both progressivist and reactionary. The radical wings of both parties perceive modernity as a depressing, nauseating period which must be broken with by moving toward the past or toward the future. One of the most original and profound diagnoses of this attitude was offered by Hans Jonas, who discerned in radical doctrines of a hundred years ago a similarity with the gnosticism of antiquity. Jonas’s diagnosis has not lost its relevance. That is why the central question addressed in this study is as follows: what prescription does the Kantian programme offer for modernity’s “gnostic dizziness?” I maintain that Kant’s critical turn is still an effective strategy by means of which to compensate for the sudden stresses and “gnostic impulses” provoked by the modern worldview revolution, bringing back an “orientation in thinking” which reorients the world process and individual activity. The imperative to always see and respect humanity in a particular individual warns against the “category mistake” committed by modern radicals who ascribe agency (subjectivity) to non-human abstractions which cannot possess this property. In theory, Kant grounds the view that humanity should resign itself to the fact of its perspective being limited and local. Kantian practical philosophy provides the traveler with a map of regulative ideas and a “moral compass”, along with an explanation of disruptive factors, offering a working

¹ Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.

² Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia.
Received: 14.12.2023.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-4

возможных исходов. «Коперниканский переворот» Канта возвращает человеку центральное положение, приводит в порядок воображение и позволяет надеяться успешно встретить новые вызовы.

Ключевые слова: Кант, современность, гностицизм, ориентация, нигилизм, категориальная ошибка, персонализм

Я не касаюсь здесь того, что есть не результат намеренно примененного средства, а скорее естественное следствие положения, в которое попадает человек, когда он теряет власть над собой под действием своего воображения. Сюда относится *головокружение* при взгляде вниз с края крутой вершины (или даже просто с узкого моста без перил) и *морская болезнь*. — Доска, на которую вступает чувствующий слабость человек, не нагнала бы на него страх, если бы лежала на земле; но когда она положена как мост над глубокой пропастью, одна мысль о возможности оступиться действует так сильно, что она сама представляет опасность для совершающего попытку человека. — Морская болезнь (которую я сам испытал в путешествии из Пиллау в Кёнигсберг, если только это можно назвать морским путешествием) с ее позывами к рвоте зависела, как мне показалось, только от зрения; ибо, наблюдая за качкой из каюты корабля, я видел то залив, то возвышенность Балги, и повторение погружения после подъема стимулировало антиперистальтическое движение кишечника посредством воображения через мышцы живота (AA 07, S. 169 Anm.; Кант, 1994а, с. 190 примеч.; перевод уточнен. — В. Ч.).

Опыт морской болезни, который Кант описывает в этом малозаметном примечании в «Антропологии с прагматической точки зрения», случился с ним примерно в семнадцати морских милях от места, где жил, трудился, умер и похоронен Николай Коперник, чей трактат «О вращении небесных сфер» (1543) символизирует начало современной научной и мировоззренческой революции. Примерно двести тридцать лет разделяют переворот Коперника и переворот Канта, и такая же вре-

explanation of the situation and its possible outcomes. Kant's "Copernican revolution" brings human beings back into focus and imagination to order, allowing for the hope that new challenges will be successfully met.

Keywords: Kant, modernity, Gnosticism, orientation, nihilism, category mistake, personalism

I pass over here what is not a means to a purpose but a natural consequence of a situation in which someone is placed, and where his imagination alone disconcerts him. Examples of this are *dizziness*, caused by looking down from the edge of a steep height (perhaps also by looking down from a narrow bridge without railings) and *seasickness*. — The board on which a human being who feels faint steps would strike no fear in him if it were lying on the ground, but when it is placed over a deep precipice as a footbridge the thought of the mere possibility of taking a false step is so powerful that the person attempting to cross over really is in danger. — Seasickness (which I myself experienced on a voyage from Pillau to Königsberg, if indeed one wants to call this a sea voyage), with its attack of vomiting, came, as I believe I observed, merely by means of my eyes; because the rocking of the ship, as seen from the cabin, made me see now the bay, now the summit of Balga, and the recurrent falling after the rising of the ship provoked, by means of the power of the imagination, an antiperistaltic movement of the intestines by the stomach muscles (*Anth*, AA 07, p. 169n; Kant, 2007a, p. 280n).

Kant had an encounter with seasickness he describes in an obscure footnote in *Anthropology from a Pragmatic Point of View*, approximately seventeen nautical miles from where Nicolaus Copernicus lived, worked, died, and was buried. Copernicus' *On the Revolutions of the Heavenly Spheres* (1543) ushered in the modern scientific and worldview revolution. The Copernican revolution and the Kantian revolution are separated by some two hundred and thirty years, the same period that separates us from

менная дистанция отделяет нас от кантовской критической философии. Мощь и период волн, поднятых этими событиями, из которых одно было реакцией на другое, огромны и с трудом поддаются осознанию. Бывают долгие затишья, когда кажется, что воды современности успокоились, требующее ответственной деятельности опасное плавание превратилось в туристический круиз либо вовсе закончилось³, — но вот корабль снова кренится, его пассажиров тошнит, а философ вылетает из тихой академической каюты, ударяется о палубу и просыпается от догматического сна.

Истории о перевороте Коперника обычно отмечают его непреднамеренность: великий астроном, помимо научной устремленности к истине, имел вполне консервативное желание подкрепить нашу веру в разумность божественного мироустройства⁴ и сам не делал головокругительных экзистенциальных выводов, хотя и понимал, что его идеи могут взволновать воображение читателей. Приведя в движение Землю, он не собирался приводить в движение ее обитателей. Напротив, Кант придавал своим идеям мировоззренческую направленность и намеревался сделать максимально очевидными основания для веры в разумность и достоинство человека и в нашу способность стоять у руля в начавшемся самостоятельном пути, дать «моральный компас» и «карту», указать маяки регулятивных идей и наилучший маршрут для человеческой одиссеи. Обширный каталог реакций на переворот Коперника включает ужас Паскаля, восторг Гёте, горечь Ницше (Blumenberg, 2011, p. 100). Кантовский переворот также вызвал и восхищение после-

³ Галилей на протяжении «Диалога о двух главнейших системах мира» разбирает эту иллюзию отсутствия движения корабля и, по аналогии, Земли.

⁴ «Разве человек, прилепляющийся к тому, что он видит построенным в наилучшем порядке и управляющимся божественным изволением, не будет призываться к лучшему после постоянного, ставшего как бы привычкой созерцания этого и не будет удивляться творцу всего, в ком заключается все счастье и благо?» (Коперник, 1964, с. 16).

the Kantian critical philosophy. The power and period of the waves made by these events, one of which was a reaction to the other, are huge and astonishing. There are periods when, while modernity seems to be in the doldrums, the dangerous and stressful journey turns into a pleasure cruise or has even come to an end³ — but then the ship begins to list again, passengers feel queasy, and the philosopher is thrown out of his quiet academic cabin, lands on the deck with a thump and awakens from his dogmatic slumber.

Historians of the Copernican turn tend to stress its unintended character: the great astronomer, while striving toward scientific truth, was driven by the conservative wish to bolster our faith in the wisdom of the Divine order⁴ and himself did not draw dizzying existential conclusions, although he was aware that readers might find his ideas unsettling. By setting the Earth in motion he did not intend to set its inhabitants in motion. By contrast, Kant gave his ideas a worldview thrust and wanted to elucidate the grounds of faith in the reasonableness and dignity of human being and our ability to undertake the autonomous journey; to give a “moral compass” and “a map”; to show the beacons of regulative ideas and the best route for mankind’s odyssey. The vast catalogue of reactions to the Copernican revolution includes Pascal’s horror, Goethe’s ecstasy, and Nietzsche’s distress (Blumenberg, 2011, p. 100). The Kantian revolution, too, was hailed by its followers and criticised by those who considered its consequences terrifying, its as-

³ Galileo in his *Dialogue Concerning the Two Chief World Systems* unravels the illusion of the ship standing still and by analogy, of the Earth standing still.

⁴ “For who, after applying himself to things which he sees established in the best order and directed by divine ruling, would not through diligent contemplation of them and through a certain habituation be awakened to that which is best and would not wonder at the Artificer of all things, in Whom is all happiness and every good?” (Copernicus, 1952, p. 510).

дователей, и критику со стороны тех, кто счел его последствия ужасающими, допущения ошибочными, рассуждения непоследовательными, а намерения чрезмерными либо, наоборот, недостаточно радикальными. Однако как в первом, так и во втором случае с нашей исторической дистанции уже не может быть сомнений в масштабе события.

Случившееся может не нравиться. Испытывающие тошноту от качки могут хотеть забыть или отменить современную ситуацию. Этим тягостным состоянием вполне объясняется позыв иных кого-то сбросить, других — спрыгнуть самому, третьих — потопить весь корабль. Можно понять негодование тех, кто чувствует, что был «заброшен» на корабль спящим: незападные страны и выходцы из них накопили большой список претензий к тем, кого считают колонизаторами. Россия, втянутая в модерн Петром и советским строительством, так вполне и не прижилась в нем, и сейчас ее реакционные силы претендуют на глобальную роль лидеров сопротивления. Не вполне благополучны и колыбель современности Европа, и ее нынешний эпицентр в Америке. Однако начавшееся «плавание» нельзя отменить, хотя оно и не было предметом явного согласия всех его участников. Теперь его успех будет зависеть не только от прочности матчасти, но и от мужества рулить. И от того, насколько разум сможет успокоить разгулявшееся неразумное воображение.

В философии нынешний конец «прекрасной эпохи» похож на предыдущий. Трехсотлетие Канта напоминает о его двухсотлетию. Над многолюдной и истонченной кантианской философией реет тень Давоса. Тот факт, что юбилейный Кантовский конгресс смят и разорван фракциями, разделенными по внефилософскому принципу «чей домен — того и вера», свидетельствует о кризисе, возможно, даже ярче, чем неудача Кассирера в полемике с Хайдеггером. В этот раз кантианцам не хватило автономии даже для себя, чтобы подняться

сумptions false, its arguments inconsistent, its intentions over-ambitious or, on the contrary, not radical enough. However, in both cases, from our historical distance, the magnitude of the event is not open to question.

What happened may not be to everybody's liking. Those who feel seasick may want to displace or cancel the modern condition. This uncomfortable feeling may well explain why some would like to throw some passengers overboard, others to jump ship themselves, and yet others to sink the entire vessel. One can understand the anger of those who feel that they have been brought on board while asleep: non-Western countries and people coming from there have a long catalogue of grievances against those they consider to be colonisers. Russia, drawn into modernity by Peter I and the Soviet experiment, has never felt at home in it, such that today its reactionary forces are claiming leadership in the resistance. Europe, the cradle of modernity, and its current epicenter, North America, are not quite happy either. However, the "journey" has started, it cannot be canceled, although not all of its participants agreed to the journey in the first place. Now its success depends not only on the robustness of the ship, but also on the courage of those who steer it. And on the extent to which their reason can calm down their misguidedly riotous imagination.

In philosophy, the end of the current *belle époque* is similar to that of the previous one. Kant's tercentenary is reminiscent of his bicentenary. The shadow of Davos hovers over the sophisticated crowd of Kantian philosophers. The fact that the jubilee Kant congress is trampled down and fragmented on the non-philosophical principle *cuius regio, eius religio* attests to a crisis perhaps more vividly than Cassirer's lack of success in the polemic with Heidegger. This time around the Kantians could not muster autonomy even for

над собственными эмоциями и внешними политическими обстоятельствами и попытаться вернуть их в пределы смысла. Впрочем, не стоит преувеличивать и разумность философов, и возможности философии. Впереди будет достаточно сумерек для кантианской совы.

Критика спереди и сзади

Еще несколько лет назад могло показаться, что кантовская мысль предлагает набор трюизмов: разумность есть сущностная характеристика человека, человечность есть конечная ценность, постоянный мир между народами есть цель, право священо, автономия и ответственное действие есть способ человеческой совершеннолетней жизни. Конечно, эти нормы не везде и не всегда выполнялись, иногда не выполнялись с самым изощренным лицемерием, но они не вызывали публичных возражений, лишь невнятное неудовольствие на философской периферии, а их постепенная реализация виделась основным содержанием и общим направлением исторического процесса. Казалось, Кант вместе с природой гарантируют успех, и от его — их — последователей требуется лишь двигаться по предустановленному маршруту и оглашать мысли великого классика перед публикой на торжественных академических симпозиумах.

Сегодня ситуация выглядит иначе. Консенсус очевидным образом разрушен, и сразу несколько больших мировоззренческих проектов ведут борьбу за демонтаж кантовского наследия и избавление от него. Как и прежде, критика Канта ведется слева и справа. Точнее будет сказать, спереди и сзади. «Моральный компас» кантовской философии — ценность свободы и человеческого достоинства — позволяет лучше сориентироваться в политическом пространстве, созданном различными философскими фракциями, чем случайное и неясное деление на «левых» и «правых». Из канти-

themselves in order to rise above their own emotions and external political circumstances, and try to bring these into the bounds of sense. Having said that, we should not exaggerate the reasonableness of philosophers and the powers of philosophy. There is enough twilight ahead for the Kantian owl.

Critique from the Front and from Behind

Until a few years ago Kantian thought might have seemed to be a range of truisms: reasonableness is the essential characteristic of man, humanity is the ultimate value, enduring peace among peoples is the goal, right is sacred, autonomy and responsible action is the way of life of mature humankind. These norms, of course, were not followed everywhere and always, and sometimes were not followed at all, being covered up by sophisticated hypocrisy, but they were not publicly challenged, meeting with mutterings on the fringes of philosophy, while their gradual implementation was seen as the main content and direction of the historical process. It seemed that Kant, and nature, guaranteed success, and all his — their — followers had to do was to stick to the road map and voice the classic's thoughts at gala academic symposiums.

The current situation is different. Consensus has obviously broken down, with several philosophical projects seeking to dismantle the Kantian legacy and get rid of it. Like before, Kant is criticised from the left and from the right or, more precisely, from the front and from behind. The "moral compass" of Kantian philosophy — the value of freedom and human dignity — is more helpful in gaining one's bearings in the political space created by various philosophical factions than the contingent and vague distinction between "left" and "right". From the Kantian perspective, these factions are located on the arrow of historical time stretching from

анской перспективы фракции расположены на стреле исторического времени, тянущейся от пробуждения разума к регулятивной идее его полноты в «царстве целей», где природа не препятствует свободе, а люди находятся в этическом сообществе, гражданско-правовом состоянии и постоянном мире. Выбрав кантианскую программу за точку отсчета, мы увидим критиков в их устремлении с разной степенью решительности либо назад, к досовременному миру традиций, внерациональной веры, чудес и тайн, авторитетов и иерархий, «пастырей» и их «домашнего скота», либо вперед, к идеалу полной эмансипации и деконструкции всех ограничивающих человека структур.

Впереди видны те, кто находит Канта недостаточно прогрессивным, темпорально заторможенным. Интенсивность и ожесточенность их критики различны, однако наиболее заметны не попытки «подтолкнуть» Канта вперед через аккуратные ревизии и локальные апдейты, через ускорение кантианского реформизма и смягчение его антропологического реализма, а яркие карикатуры на Канта в роли апостола колониального угнетения и одного из основателей расистской антропологии. Из России, обжегшейся на прогрессистском радикализме и сейчас метнувшейся маятником обратно по историческому времени, трудно судить о мотивациях и сюжетных поворотах в тридцатилетнем процессе «деколонизации Канта», начатом Эмануэлем Эзе (Eze, 1997), Робертом Бернасconi (Bernasconi, 2002) и другими и до сих пор имеющем неясные перспективы (Kleingeld, 2007; Жаворонков, 2021; Lu-Adler, 2023).

В нашей местной перспективе «Критика чистого разума» и «Основоположение к метафизике нравов» до сих пор считаются намного более весомыми, чем заметки к физической географии и антропологии. Кантовские сентенции о русских известны (см., напр.: AA 25, S. 542), но не вызывают азарта — детство человечества полно предрассудков, и продолжать

the awakening of reason to the regulative idea of its fruition in “the kingdom of ends” where nature does not obstruct freedom and people are in an ethical community, civil and legal state in a perpetual peace. With the Kantian programme as a reference point, we see critics looking, with varying degrees of determination, either backward, to the pre-modern world of traditions, extra-rational faith, miracles and mysteries, authorities and hierarchies, “shepherds” and their “flock”; or forward, toward the ideal of complete emancipation and the dismantling of all structures that constrain human being.

In the front ranks we see those who find Kant not progressive enough, lagging behind the times. The intensity and vehemence of their criticism vary, but what stands out is not the tendency to “nudge” Kant forward through careful revisions and local updates, the speeding up of Kantian reformism, and the dilution of his anthropological realism, but rather the graphic caricatures of Kant as an apostle of colonial oppression and one of the founders of racist anthropology. From Russia, which, having burned its fingers on progressivist radicalism and swung back in historical time, it is hard to judge the motivations and twists and turns in the thirty years-long process of the “decolonisation of Kant” started by Emmanuel Eze (Eze, 1997), Robert Bernasconi (Bernasconi, 2002) and others, a process whose outcome is still unclear (Kleingeld, 2007; Zhavoronkov, 2021; Lu-Adler, 2023).

From our local perspective, the *Critique of Pure Reason* and the *Groundwork of the Metaphysics of Morals* are still considered to carry more weight than the notes on physical geography and anthropology. Kant’s pronouncements on the Russians are known (see, for example: *V-Anth/Fried*, AA 25, p. 542), but not given much attention — humankind’s childhood is full of prejudices, and to continue spending

тратить на них время означает затягивать несовершенное. Возможно, это местная особенность: в одной оптике Россия не знает колониализма, в другой здесь колонизированы и угнетены все. И в том, и в другом случае все — почти все — находятся в равных условиях и не имеют поводов для взаимных ретроспективных претензий, выясняя отношения по иным поводам и на иных языках (Чалый, 2020). Так или иначе, сам Кант ставит вопрос о разумности, культуре и цивилизации намного шире расовых рамок. Он не наделяет привилегией человеческий способ реализации разума и сдержан в оценках положения человеческого рода в гипотетическом ряду «разумных существ вообще». Это видно и в его гипотезах об инопланетном разуме, и в явной скептической иронии по поводу энтузиазма Гердера, предвкушающего радость наших более разумных «братьев» при встрече с нами (AA 08, S. 51; Кант, 1994д, с. 45–46). В любом случае такие вызовы, как глобальный политический кризис, развитие ИИ, ограниченность ресурсов и другие проблемы планетарного масштаба, требуют отложить «спор между собой» и вместе задуматься о нашей общей человеческой разумности и ее нормативных рамках, определяющих нашу общую судьбу.

Что видно в актуальных левых дискуссиях (благодаря богатому опыту русского радикализма XIX и XX вв., от которого Запад сам не «вакцинировался» ленинизмом и сталинизмом), так это общая тенденция, уводящая в сторону от кантовского (восходящего к христианскому) понимания человека как совершающей каждодневное нравственное усилие ответственной личности (*Persönlichkeit*). Для кантовского человека труд философской критики необходим, чтобы добиться *прежде всего от себя* все менее предвзятого и эгоистичного взгляда на мир, при этом с сохранением сознания неизбежной ограниченности своей перспективы и случайности эмпирической траектории. Вместо личности современный че-

time on them is to prolong our age of minority. This may be partly a local feature: on one framing Russia does not know colonialism, and on another all peoples in Russia are colonised and oppressed. In both cases everybody — or nearly everybody — is in equal circumstances and has no reason for mutual retrospective claims and the settling of accounts on other matters and in other languages (Chaly, 2020). Be that as it may, Kant himself approaches the question of reasonableness, culture, and civilisation with a much broader perspective than that of race. He does not confer privilege on the human way of actualising reason in the hypothetical range of “reasonable beings in general.” This shows clearly in his hypotheses about extra-terrestrial reason, and in his undisguised skeptical irony concerning Herder’s enthusiasm in anticipating the joy of our more advanced “brothers” at meeting with us (*RezHerder*, AA 08, p. 51; Kant, 2007c, p. 130). In any case, such challenges as the global political crisis, the development of AI, limited resources, and other global problems dictate putting aside our “internal arguments” and thinking together about our shared human sapience and its normative frameworks, which determine our common destiny. What stands out in the current leftist discussions (thanks to the rich experience of Russian radicalism in the nineteenth and twentieth centuries, against which the West was not “vaccinated” by Leninism and Stalinism) is the general trend away from the Kantian (originally Christian) understanding of the human being as making a daily moral effort to be a responsible personality (*Persönlichkeit*). For the Kantian human, the labour of philosophical critique is necessary to cultivate, *above all in oneself*, a less and less prejudiced and selfish view of the world while being aware of the inevitable limitations of one’s perspective and the contingency of one’s empirical trajectory. Instead

людей рассматривается как «пучок» естественных частных, образующих контингентную идентичность и требующих внешнего признания в качестве ценности. Требование признания, которое трудно обосновать из контингентности, часто подменяется требованием репараций за прошлые притеснения, из которых состоит человеческая история⁵. Отвлекаясь от задачи созидания себя в настоящем ради будущего и от выстраивания общих оснований для частных, философское внимание посвящает себя прошлому в поисках поводов для обид и ressentiment, в поисках виноватых других, на которых можно возложить ответственность за свое несовершенство и на чьих компенсациях можно жить, не трудясь или «барствуя» (AA 08, S. 389–391; Кант, 1994в, с. 481–485). В пределе философия оказывается лишь служанкой ressentimentного сознания, рационализирующей «естественной диалектикой» борьбу за власть, а мысль прошлого — сквотом, который можно оккупировать и эксплуатировать, пока он не придет в окончательный упадок.

Заднеориентированная мысль, которую в российском дискурсе обычно без разбора именуют консерватизмом, также атрибутирует мышление и действие, автономию и ценность чему-то иному, чем человек. Разница в том, что там, где радикальные приверженцы прогресса распознают в ином внедренные в сознание структуры угнетения, реакционеры видят его конституирующие формы, моральный «экзоскелет» человека, который тот, чтобы вообще состояться, должен интериоризировать, как произошло в христианстве с маской-личностью, или активировать как предзаданный «разработчиком» нативный «цивилизационный код». Первые требуют эмансипации от ложного сознания, вторые, наоборот, насаждают его как истину либо «полезный миф», иногда также не останавливаясь перед насилием. Конеч-

⁵ Обзор позиций и аргументов, а также попытка обоснования репараций идеями Канта представлены, например, в статье: (Fisette, 2022).

of personality, the modern human is seen as “a bundle” of natural particulars that form a contingent identity and claim external recognition as a value. The demand for recognition, which is hard to derive from contingency, is often supplanted by the demand for reparations for the past injustices of which human history consists.⁵ Instead of addressing the task of creating oneself in the present for the sake of the future and building general foundations for particulars, philosophy devotes itself to the past in search of causes for grievances and resentment, of others who can be blamed for our own faults and on whose compensations one can live “idly” without working (VT, AA 08, pp. 389-391; Kant, 2002a, pp. 431-432). Carried to its logical conclusion, this approach turns philosophy into a maidservant of the resentful consciousness which uses “natural dialectics” to rationalise the struggle for power, and past thought into a squat which can be occupied and exploited until it runs to seed.

Backward-oriented thought, which in Russian discourse is usually lumped together as being all conservative, also attributes thought and action, autonomy and value to something other than human being. The difference is that where the radical progressivists see in the other oppressive structures embedded into consciousness, the reactionaries see its constituting forms, the moral “exoskeleton” of human being which human being, in order to exist, must interiorise, as happened in Christianity with the mask-personality, or activate, as the native “civilisational code” pre-installed by the “developer”. The former demand emancipation from false consciousness and the latter, on the contrary, instil it as the truth or “a useful myth”, sometimes also not stopping at using violence.

⁵ For a review of positions and arguments and an attempt to justify reparations by Kant’s ideas see, for example, Fisette (2022).

но, выведение нормативности из «полезных мифов» представляет не меньшие трудности, чем оправдание контингентной идентичности⁶.

Охранительный консерватизм атрибутирует мышление, намерение и действие государству, а неподконтрольную государству агентность приписывает недружественным силам, поскольку сами подданные, «слабосильные бунтовщики», в этой идеологии к агентности принципиально не способны. Традиционалистский консерватизм реифицирует традицию, путаясь в том, что можно считать традицией, в частности в России, триста лет подвергавшейся радикальной модернизации сверху. Отношения с государством у традиционалистов нестабильны: тогда и в той мере, когда государственным потребна традиционалистская риторика и образ жизни, сторонники старины видят в государстве защиту, а себя ошибочно мнят целью государственных усилий; как только ситуация и требования меняются, государство, связанное неизбежностью модернизации, оказывается для традиционалистов враждебной силой, неаутентичной, колониальной и обслуживающей чужие (в России обычно западные, но теперь возможны варианты) интересы.

Таким образом, и сзади, и спереди идет атака на фундаментальные опоры, разделяемые кантовской философией. С обеих сторон кантовскому универсализму противопоставляется истористский релятивизм локальных норм, пониманию человеческого достоинства как нормативного основания и долга как необходимой непредвзятой силы — нигилизм и децизионизм, автономии — гетерономия, миру людей — редукционистские или холистские он-

⁶ Кант прямо приравнивает «полезные мифы» к лжи: «Может случиться, что не все, принимаемое человеком за истинное, является истинным (ведь он может заблуждаться); но во всем том, что он говорит, он должен быть правдивым (он не должен обманывать) — будь его исповедание лишь внутренним (перед Богом) или же внешним. — Нарушение этого долга быть правдивым называется ложью; причем ложь может быть как внешняя, так и внутренняя; так что та и другая ложь могут объединяться, а могут и противоречить друг другу» (AA 08, S. 421; Кант, 1994г, с. 555).

Needless to say, deriving norm from “useful myths” is as difficult as justifying contingent identity.⁶

Protective conservatism attributes thought, intent, and action to the state, and ascribes agency that is not controlled by the state to unfriendly forces since the subjects themselves, these “weak rebels”, are incapable of agency in principle. Traditionalist conservatism reifies tradition, not always being sure what tradition is, for example, in Russia, which has been exposed to attempts at radical modernisation from the top for at least three centuries. The state’s attitude to traditionalists is changeable: when and to the extent that the state can benefit from traditionalist rhetoric and ways of life, those who pine for old times see themselves, mistakenly, as the aim of the state’s efforts; as soon as the situation and requirements change, the state, bound by the inevitability of modernisation, becomes for the traditionalists a hostile, inauthentic, colonial force serving alien interests (in Russia usually the West, though as of lately not necessarily).

Thus, the fundamental principles shared by Kantian philosophy are attacked both from behind and from the front. From both sides, Kantian universalism is opposed by historicist relativism of local norms; the concept of human dignity as the normative foundation and duty as a necessary impartial force, by nihilism and decisionism; autonomy by heteronomy;

⁶ Kant expressly equates “useful myths” to lies: “It may be that not everything is true which a man takes to be so (for he may err); but in everything he says he must be truthful (he must not deceive), whether his profession be merely internal (before God), or also an external one. The violation of this duty of truthfulness is called a lie; whence there can be not only external lies, but also an internal one, so that both may occur united together, or also in contradiction to one another” (VNAEF, AA 08, p. 421; Kant, 2004, p. 459).

тологии. Что не менее важно, кантианскому умеренному реалистическому оптимизму противопоставляется экзальтированный экзистенциальный негативизм, доходящий до головокружительной паники и ужаса. Это умонастроение является источником опасности и требует специального внимания.

В окружении гностиков

Ханс Йонас одним из первых квалифицировал описанное умонастроение как гностическое. Наследуя немецкой традиции исследования гностицизма (Ф.Г. Баур, А. фон Гарнак, К. Шмидт и др.), он применил ее аппарат и свои обширные знания (Jonas, 1934) к экзистенциализму своего научного руководителя Хайдеггера (Jonas, 1952; 2001; Йонас, 1998). Последовала дискуссия с участием Якоба Таубеса, Эрика Фёгелина, Ханса Блюменберга, Одо Маркварда, Гершома Шолема и других, с разными вариациями зафиксировавшая важный общий тезис, что современность так или иначе заряжена гностической установкой (Hotam, 2007; Styfhals, 2019). В философской литературе продолжается дискуссия о том, кого и на каком основании можно или нельзя, продуктивно или бессмысленно считать «гностиком» (Culianu, 1992; O'Regan, 2001; 2002). Позиция Йонаса сохраняет силу, в ее развитие высказываются и обосновываются доводы о том, что нигилистический экзистенциализм, прежде всего хайдеггерианский, сам есть не преодоление, но лишь нездоровая мировоззренческая реакция, морская болезнь в плавании современности (Herskowitz, 2022).

В версии Йонаса гностицизм характеризуют две черты: радикальный дуализм и нигилизм. Дуализм современного сознания инспирирован философско-научной революцией и, в частности, картезианским разрывом между немыслящей протяженной материей и мысля-

the world of humans by reductionist or holistic ontologies. Also very importantly, *Kantian moderate realistic optimism* is opposed by *extreme existential pessimism*, sometimes bordering on *frenzied panic and horror*. This mindset is a source of danger that demands special attention.

Surrounded by the Gnostics

Hans Jonas was one of the first to qualify the mood described above as gnostic. Following the German tradition of the study of Gnosticism (F. G. Baur, A. von Harnack, C. Schmidt and others), he applied its apparatus and his vast knowledge (Jonas, 1934) to the existentialism of his academic supervisor Heidegger (Jonas, 1952; 2001). The discussion that followed involved Jacob Taubes, Eric Voegelin, Hans Blumenberg, Odo Marquard, Gershom Scholem and others who each in their own way expressed the shared thesis that modernity is infected with gnosticism (Hotam, 2007; Styfhals, 2019). The discussion still continues in the philosophical literature as to who and on what grounds can or cannot be considered a “gnostic”, usefully or meaninglessly (Culianu, 1992; O'Regan, 2001; 2002). Jonas's position is still valid, bolstered by the argument that nihilistic existentialism, especially of the Heideggerian persuasion, constitutes not an overcoming, but a morbid philosophical reaction, a seasickness on the modern journey (Herskowitz, 2022).

Jonas's version of gnosticism stressed two features: radical *dualism* and *nihilism*. The dualism of modern consciousness is inspired by the philosophical-scientific revolution, specifically the Cartesian gap between unthinking,

щим сознанием. Мыслящий человек оказывается брошенным в бессмысленную и безразличную к нему природу — ситуация, впервые понята Паскалем (Йонас, 1998, с. 321). Подобно позднеантичному гностику, замкнутому в созданном чужой ошибкой или злой насмешкой мире, современный человек обнаруживает себя брошенным в бесконечную и бессмысленную вселенную и приходит в отчаяние и ярость. Ощущая свою радикальную ненужность и свободу, такой человек направляет свою волю на борьбу с миром и с тем, что он принимает за его создателя. «Мир (не отчуждение от него) должно преодолеть; и мир, находящийся в состоянии упадка, разжаловавший систему власти, можно преодолеть только через власть» (Там же, с. 329).

На месте демиурга современного мира оказываются реифицированные абстракции — капитализм, колониализм, глобализм и т.п., — овладевающие индивидуальными сознаниями и ставящие их на службу. Дуализм имеет не только внешний, космологический, но и внутренний психологический характер: гностический дуализм души и духа, *псюхе* и *пневмы*, на разные лады повторяется в дуализме ложного сознания и подлинной самости. Последняя может представлять, например, в виде освобожденного от угнетения индивидуального набора «подлинных», «политически корректных» и прочих идентичностей или в виде очищенного от вредоносных «вирусов» коллективного «цивилизационного кода». Как и у гностиков, добрая *пневма* в пределе может оказаться лишенной содержания чистой негативностью: подлинное оказывается таковым лишь до тех пор, пока новое критическое усилие не разоблачит в нем агента ложного сознания. Отсутствие у подлинного «судимости» оказывается лишь временной недоработкой той инстанции, которой случилось захватить судебную власть.

Йонас констатирует, что видимость «смерти Бога» влечет за собой отрицание универсально-

extended matter and thinking consciousness. Thinking beings are thrown into a meaningless nature which is indifferent toward them, a situation first understood by Pascal (Jonas, 2001, p. 322). Like the gnostic of late antiquity, trapped in a world created by someone's error or wicked prank, the modern human finds oneself thrown into an infinite and meaningless universe, which makes one desperate and furious. Feeling one's redundancy and freedom, such a person directs his will toward fighting the world and what he considers to be its creator. "The world (not the alienation from it) must be overcome; and a world degraded to a power system can only be overcome through power" (*ibid.*, p. 329).

The place of the demiurge in the modern world is taken by reified abstractions — capitalism, colonialism, globalism, etc. — which entrap and harness individual consciousnesses. Dualism has not only an external, cosmological character, but also an internal, psychological character: the gnostic dualism of soul and spirit, *psyche* and *pneuma*, manifests itself in various ways in the dualism of false consciousness and genuine selfhood. The latter may take the guise of an individual set of "authentic", "politically correct", and other identities, or a collective "civilisational code" purged of harmful "viruses". Like with the gnostics, the good *pneuma* may turn out to be pure negativity, devoid of content: the authentic retains its status until some new critical effort exposes it as an agent of false consciousness. The authentic's inculpability turns out to be a temporary oversight of the organisation which happens to have seized the judiciary power.

Jonas notes that the seeming "death of God" entails a denial of the universal moral law. Eth-

го морального закона. Этический релятивизм провоцирует всеобщую борьбу за власть и даваемую ей возможность децизионистски судить:

Ниспровержение идеи закона, *номоса*, приводит к этическим последствиям, в которых нигилистический подтекст гностического акосмизма и в то же время аналогия определенным современным рассуждениям становятся даже более очевидными, чем в космологическом аспекте. <...> То, от чего избавились в одном случае, было нравственным наследием золотого века древней цивилизации; в другом случае добавилось то, что существовало две тысячи лет западной христианской метафизики как основа идеи о нравственном законе (Там же, с. 330).

Йонас приводит валентинианскую формулу старого гностицизма: «То, что делает нас свободными, есть познание того, кто мы были, чем мы стали; где мы были, куда мы брошены; куда мы стремимся, что искупаем; что есть рождение, и что — возрождение» (Там же, с. 333). Он видит в ее динамизме «необратимое направление от прошлого к будущему» (Там же). К этому следует добавить, что динамизм может быть прочитан не только эсхатологически-прогрессистски, но и реакционно: спасение из нашей брошенности лежит позади, в воображаемой традиции. Обе установки объединяет неприятие настоящего, пребывание в котором не просто «сокращается» под действием набирающих ход объективных процессов современности (Люббе, 1994), но становится невыносимым, вызывает бунт: «...не существует настоящего для обитания, только кризис между прошлым и будущим, указанный момент между ними, балансирующий на лезвии решения, толкающего вперед» (Йонас, 1998, с. 336). Этот бунт, возможно, даже яростнее и отчаяннее у реакционера, чем у революционера: реакционер пытается идти против естественного течения времени с сознанием, что *вся история,*

ical relativism provokes a universal struggle for power, which allows it to pass this decisionist judgment:

The subversion of the idea of law, of *nomos*, leads to ethical consequences in which the nihilistic implication of the gnostic acosmism, and at the same time the analogy to certain modern reasonings, become even more obvious than in the cosmological aspect. [...] What was being liquidated, in the one case, was the moral heritage of a millennium of ancient civilization; added to this, in the other, are two thousand years of Occidental Christian metaphysics as background to the idea of a moral law (*ibid.*, p. 331).

Jonas cites the Valentinian formula of old Gnosticism: “What makes us free is the knowledge who we were, what we have become; where we were, wherein we have been thrown; whereto we speed, where from we are redeemed; what is birth and what rebirth” (*ibid.*, p. 334) He sees in its dynamism “irreversible direction from past to future” (*ibid.*). To this we should add that dynamism can be interpreted not only in the eschatological-progressive way, but also in a reactionary way: salvation from our thrown state lies in the past, in an imagined tradition. Both attitudes have in common the rejection of the present, a sojourn which is not only “shrunk” under the impact of accelerated objective processes of modernity (Lübbe, 2013), but becomes unbearable and triggers a revolt: “there is no present to dwell in, only the crisis between past and future, the pointed moment between, balanced on the razor’s edge of decision which thrusts ahead” (Jonas, 2001, p. 337). This revolt is perhaps even more furious and desperate with the reactionary than with the revolutionary: the reactionary tries to swim against the natural flow of time with a notion that *the whole history, the whole*

весь мир не на его стороне⁷. В пределе это оборачивается трагической установкой на временное «удержание» мира от неизбежного конца («катехон»), за которым, впрочем, должно каким-то сверхъестественным образом последовать обещанное откровением торжество праведных.

Многие яркие эпизоды российской современной истории свидетельствуют о своеобразном и сильном присутствии мироотрицательной установки, описанной Ионасом. Например, использованная Лейбницем метафора России как «чистого листа» и «неподнятой целины» (Лейбниц, Герье, 1873, с. 52; Герье, 1871, с. 64) становится одним из главных «социотехнических воображаемых» русской современной «перманентной революции», «пахоты» сверху, сверху-силы «заботы» о светлом будущем при кажущемся отсутствии прошлого и радикальной неудовлетворенности настоящим (см. об этом подробнее: Chaly, 2023). Чаадаев говорит о пустоте России как «не-места» (см.: Chepurin, Dubilet, 2019). Из совсем другого лагеря Победоносцев в частной, но ставшей знаменитой беседе называет страну «ледяной пустыней, по которой бродит лихой человек»⁸. Нигилизм, кри-

⁷ Можно сопоставить это отчаяние реакционера, например, с торжеством революционера Г. В. Плеханова, сознающего свое слияние с энергией исторической необходимости и переживающего экстатический прорыв к подлинному бытию: «...когда мы говорим, что данная личность считает свою деятельность необходимым звеном в цепи необходимых событий, это значит, между прочим, что отсутствие свободы воли равносильно для нее совершенной неспособности к бездействию и что оно, это отсутствие свободы воли, отражается в ее сознании в виде невозможности поступать иначе, чем она поступает. Это именно то психологическое настроение, которое может быть выражено знаменитыми словами Лютера: "Hier stehe ich, ich kann nicht anders" ("На том стою, и не могу иначе". — В. Ч.), и благодаря которому люди обнаруживают самую неукротимую энергию, совершают самые поразительные подвиги» (Плеханов, 1956, с. 302).

⁸ «Не могу сказать наверно, к этому ли времени или более позднему относится свидание Дм. С-ча со всемогущим обер-прокурором Синода Победоносцевым, когда этот крепкий человек сказал ему знаменитую фразу: "да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пу-

world are not on his side⁷. Ultimately, it turns out to be a tragic commitment to temporarily "holding back" an inevitable end of the world (*katechon*) which, however, would somehow be followed by the triumph of the righteous promised in the revelation.

Many high-profile events in Russia's modern history reveal an unusual and strong presence of the world-negating attitude described by Jonas. For example, Leibniz's metaphoric reference to Russia as "a blank slate" and "a virgin soil" (Leibniz and Guerrier, 1873, p. 52; Guerrier, 1871, p. 64) becomes one of the main "sociotechnical imaginaries" of the modern Russian "permanent revolution", "upturning" of virgin soil from the top, "a striving" toward a bright future in the seeming absence of a past and radical dissatisfaction with the present (see more on this: Chaly, 2023). Chaadayev speaks of Russia as an empty "non-place" (Chepurin and Dubilet, 2019). From an entirely different camp, Pobedonostsev, in a private conversation which has become famous, describes the country as "an icy desert in which a dashing man wanders"⁸. Nihilism, critically introduced

⁷ One can compare, for example, the despair of the reactionary with the triumph of Georgy V. Plekhanov, the revolutionary who is conscious of being merged with the energy of historical necessity and is experiencing ecstatic striving toward authentic being: "[...] when we say that a certain individual regards his activities as an inevitable link in the chain of inevitable events, we mean, among other things, that for this individual, lack of free will is tantamount to *incapability of inaction*, and that this lack of free will is reflected in his mind as the *impossibility of acting differently from the way he is acting*. This is precisely the psychological mood that can be expressed in the celebrated words of Luther: 'Here I stand, I can do no other,' and thanks to which men display the most indomitable energy, perform the most astonishing feats" (Plekhanov, 1940, p. 12).

⁸ "I cannot say for sure whether it was then or later that D.S. met the almighty Chief Procurator of the Synod, Pobedonostsev, when this strong man said famously: 'Do you know what Russia is? It is an icy wilderness in which wanders an evil man.' Apparently D.S. [Merezhkovsky] replied, rather boldly, was it not he and others of his ilk who were turning Russia into an icy wilderness... or something like that" (Gippius, 2002, pp. 281-282).

тически введенный в оборот Ф. Г. Якоби в отношении современной ему философии, становится одной из характерных тем русской классической литературы и запечатленной в ней жизни XIX в., редким примером успешной адаптации западного понятия к русской реальности. Бисмарк, согласно гулявшей в конце XIX в. по мировым газетам истории, привозит из России запечатленное им на кольце переживание встречи с русским «ничего»⁹. Обратная популярность слова «ничего» в европейских языках с конца XIX в. и до наших дней свидетельствует о силе и особенности его русских смыслов (Podhajеcka, 2022). Гностицизм непосредственно повлиял на некоторые стороны философии В. С. Соловьева, Л. П. Карсавина и многих других, вообще на культуру Серебряного века (Козырев, 2007). Революционный большевизм и сталинизм с «чистками» от врагов реализуют гностический радикальный дуализм¹⁰. Сегодня интеллигентский прогрессистский гностицизм «России в плену автократии злокозненного гения» соседствует и по форме схож с реакционным гностицизмом «России в плену глобалистского колониального проекта». Доходит дело до того, что Кант персонально объявляется демиургом, создавшим злой западный мир.

стыня, а по ней ходит лихой человек". Кажется, Д. С. [Мережковский] возразил ему тогда довольно смело, что не он ли, не они ли сами устраивают эту ледяную пустыню из России... во всяком случае, что-то в подобном роде» (Гишпиус, 2002, с. 281 – 282).

⁹ В середине 1880-х гг. по газетам от Европы до США и Новой Зеландии циркулировали разные версии истории, объясняющей тот факт, что «железный канцлер» носит кольцо с надписью «Nitschewo». В одних версиях он едва не замерз в русской «ледяной пустыне», пока заблудившийся кучер повторял «Ничего, барин, ничего» (Bismarck's Iron Ring, 1885; Bismarck's Ring, 1886). В других, менее драматичных, он обещал царю и Горчакову начать говорить по-русски, когда он усвоит смысл непонятого слова «ничего», которое слышит повсюду (Rjabowa, 2015).

¹⁰ Сектантская природа и эсхатологический характер большевизма и других революционных программ — известная тема философов русского зарубежья.

by Friedrich Heinrich Jacobi with respect to the philosophy of his time, becomes a stock theme of Russian literature and the nineteenth-century life it portrays, a rare successful adaptation of a Western concept to Russian reality. An anecdote widely recounted in the world newspapers in the late nineteenth century has it that Bismarck, after a trip to Russia, had brought back a ring with the Russian word *Nitschewo* (literally “nothing”, loosely, “take it easy”, “don’t worry”) reminding him of his experience there.⁹ The reverse popularity of the analogue of the Russian *nichevo* in the European languages since the late nineteenth century until today attests to the tenacity and peculiarity of the word’s Russian connotations (Podhajеcka, 2022). Gnosticism had a dire impact on some aspects of the philosophy of Vladimir S. Soloyov, Lev P. Karsavin, and many others, and in general on the Silver Age culture (Kozyrev, 2007). Revolutionary Bolshevism and Stalinism with their “purges” of enemies realise gnostic radical dualism.¹⁰ Today, the intelligentsia’s progressivist “Russia-under-the-autocracy-of-an-evil-genius” gnosticism chimes with the reactionary “Russia-in-the-grip-of-a-globalist-colonialist-project” gnosticism. It even comes to Kant being personally declared to be the demiurge who created the evil West.

⁹ In the mid-1880s, versions of the anecdote circulated in the newspapers from Europe to the USA and New Zealand explaining why the “iron chancellor” was wearing a ring with the inscription *Nitschewo*. Some versions had it that he nearly froze to death in the Russian “icy desert” while the cabman who had lost his way kept saying, “Nitschewo, sir, nitschewo” (Anon., 1885; Anon., 1886). In other, less dramatic versions, he promised to the Tsar and to Gorchakov to start speaking Russian once he grasped the meaning of the mysterious Russian word “*nichevo*” which he was hearing everywhere (Rjabowa, 2015).

¹⁰ The sectarian nature and eschatological character of Bolshevism and other revolutionary programs is a pet topic of Russian émigré philosophers.

Пилули и лечебные ванны

Экзальтированному сознанию, чтобы «пройти по доске над пропастью» или выстоять «у руля корабля», придется успокоить усугубляющее реальные трудности воображение, эту «слепую, хотя и необходимую функцию души» (A 78 / B 103; Кант, 2006, с. 171). Кант указывает на терапевтические возможности философии в лечении «болезней головы». Однако необходимо, чтобы лекарства выписывали «принадлежащие к гильдии медиков», а не любители-энтузиасты и безответственные шарлатаны, чье лечение только усугубит недуг (AA 08, S. 414; Кант, 1994г, с. 535).

Первейшая кантовская рекомендация связана с его первым вопросом философии: «Что я могу знать?» Знать можно только то, что обнаруживается в чувственном опыте и подводится под понятия: «мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» (A 51 / B 75; Кант, 2006, с. 139). Поэтому отбор понятий, то есть их *критика*, есть дело ответственное, и ошибки здесь имеют самые глубокие последствия. Кант считал, что некоторый набор понятий после тщательного испытания приходится признать необходимым для всякого возможного опыта и предшествующим ему, то есть придать этому связному набору статус *априори*, одинаковый для всех разумных существ. В современной философии сильное понимание кантовского априоризма вызывает сомнения, однако слабый априоризм достаточно распространен¹¹. И он позволяет разоблачить «мир видимости», населенный при участии воображения мнимыми сущностями вроде меньшинств, наций, классов, цивилизаций и госу-

¹¹ Хорошо известный пример дает Хилари Патнем: «...моя процедура тесно связана с тем, что Кант называл “трансцендентальным” исследованием; ибо это исследование... предпосылок референции и, следовательно, мышления — предпосылок, встроенных в природу самих наших умов, хотя и не полностью независимых (как надеялся Кант) от эмпирических предположений» (Putnam, 1981, p. 16).

Pills and Curative Baths

An inflamed mind, in order to “walk on a footbridge over a precipice” and “stand at a ship’s helm”, will have to calm the imagination, this “blind though indispensable function of the soul” (*KrV*, A 78 / B 103; Kant, 1998, p. 211), which magnifies the real difficulties. Kant points to the therapeutic potential of philosophy to treat “the maladies of the head”. But the remedies should be prescribed by “qualified physicians”, and not by enthusiastic amateurs and irresponsible charlatans whose efforts can merely aggravate the disease (*VNAEF*, AA 08, p. 414; Kant, 2004, p. 454).

Kant’s prime recommendation is linked to his first question to philosophy: “What can I know?” One can only know what is in sensual experience and accords with the thesis: “thoughts without content are empty, intuitions without concepts are blind” (*KrV*, A 51 / B 75; Kant, 1998, pp. 193-194). That is why selecting concepts, i.e. their *critique*, is a crucial task, such that errors here may have profound consequences. Kant believed that a set of concepts, after thorough testing, has to be recognised as necessary for all possible experience and as preceding any experience; that is, that this set should be given the status of *a priori* for all thinking creatures. In current philosophy the hard version of Kantian apriorism raises doubts, but soft apriorism is fairly widespread.¹¹ It makes it possible to expose “the world of illusion” inhabited, with the help of the imagination, by fictitious entities such as minorities, nations, classes, civilisations, and states, and downgrade them to their proper sta-

¹¹ Hilary Putnam (1981, p. 16) famously gives an example: “My procedure has a close relation to what Kant called a ‘transcendental’ investigation; for it is an investigation [...] of the preconditions of reference and hence of thought — *preconditions* built in to the nature of our minds themselves, though not (as Kant hoped) wholly independent of empirical assumptions.”

дарств и вернуть им статус технических понятий, помогающих решать проблемы в отдельных предметных областях и бессмысленных в остальных.

Приписывание мнимым сущностям атрибутов или способностей по-разному именуется в разных парадигмальных жаргонах. Так, в марксизме говорят об овеществлении (или реификации) как обезличении, деперсонификации человека и наделении вещей свойствами субъекта или персоны; У. Джеймс пишет о «порочном абстракционизме»¹², А. Н. Уайтхед — об «ошибке неуместной конкретности»¹³; Б. Латур критикует гипостазирование «социальных сил», «общества» и «социального»¹⁴; в теории аргументации известны ошибки, связанные с неуместной атрибуцией персональности, такие как «патетическая ошибка» (Fogelin, Dug-

¹² «Позвольте мне назвать “порочным абстракционизмом” способ использования понятий, который можно описать следующим образом: мы постигаем конкретную ситуацию, выделяя в ней какую-то характерную или важную черту и классифицируя ее под эту черту; после, вместо того, чтобы прибавлять к ее предыдущим признакам все положительные последствия, которые может принести новый способ понимания ситуации, мы переходим к привативному использованию нашего понятия; сведение первоначально богатого явления к голым предложениям этого имени, взятого абстрактно. <...> Я убежден, что злонамеренное использование абстрактных персонажей и классов является одним из величайших первоначальных грехов рационалистического ума» (James, 1988, p. 951).

¹³ «Невозможно преувеличить значение того обстоятельства, что ключ к процессу индуктивного вывода, будь то в науке или повседневной жизни, должен быть найден в правильном понимании непосредственного события знания в его исчерпывающей конкретности. Исключительная важность современных достижений в физиологии и психологии обнаруживается именно в отношении нашей способности схватывать эти события в их конкретности. <...> Когда мы подменяем это конкретное событие простой абстракцией, которая описывает лишь материальные предметы в их изменяющихся в пространстве и времени конфигурациях, то запутываемся в неразрешимых проблемах» (Уайтхед, 1990, с. 100).

¹⁴ Например, «Группы — не безмолвные объекты, а временное порождение постоянного гула, создаваемого миллионами голосов, спорящих о том, что это за группа и кто к какой группе принадлежит» (Латур, 2014, с. 48).

tus of technical concepts which help to solve problems in some domains and make no sense in other areas.

Imputing attributes or capacities to imagined entities has different names in different paradigm jargons. Thus, Marxists speak about reification as the depersonification of human being and imputing properties of a subject or person to things; William James writes about “vicious abstractionism”,¹² Alfred North Whitehead about the “fallacy of misplaced concreteness”,¹³ Bruno Latour criticises hypostatisation of “social forces”, “society”, and “the social”;¹⁴ argumentation theory speaks about errors of inappropriate attribution of personality, such as “the pathetic fallacy” (Fogelin and Duggan, 1987), etc. In the language of analytic philosophers, including of those who have been influenced by Kant, ascription of attributes, such as thought, intention, interest, value, decision,

¹² “Let me give the name of ‘vicious abstractionism’ to a way of using concepts which may be thus described: We conceive a concrete situation by singling out some salient or important feature in it, and classing it under that; then, instead of adding to its previous characters all the positive consequences which the new way of conceiving it may bring, we proceed to use our concept privatively; reducing the originally rich phenomenon to the naked suggestions of that name abstractly taken, treating it as a case of ‘nothing but’ that concept, and acting as if all the other characters from out of which the concept is abstracted were expunged. [...] The viciously privative employment of abstract characters and classnames is, I am persuaded, one of the great original sins of the rationalistic mind” (James, 1988, p. 951).

¹³ “It is impossible to overemphasise the point that the key to the process of induction, as used either in science or in our ordinary life, is to be found in the right understanding of the immediate occasion of knowledge in its full concreteness. It is in respect to our grasp of the character of these occasions in their concreteness that the modern developments of physiology and of psychology are of critical importance. [...] We find ourselves amid insoluble difficulties when we substitute for this concrete occasion a mere abstract in which we only consider material objects in a flux of configurations in time and space” (Whitehead, 1948, pp. 44-45).

¹⁴ For example, “Groups are not silent things, but rather the provisional product of a constant uproar made by the millions of contradictory voices about what is a group and who pertains to what” (Latour, 2005, p. 41).

gan, 1987), и т. д. В языке философов-аналитиков, в том числе испытывавших влияние Канта, приписывание атрибутов, таких как мышление, намерение, интерес, ценность, решение, ответственность, чему-либо, кроме живого сознающего существа, каковым является человек, — это вид *категориальной ошибки*, неправильного употребления языка, рождающего бессмыслицу вроде предложения «суббота лежит в постели», создающего псевдо-миры, которые мы сами для себя не можем сделать понятными (Magidor, 2022), вавилонские башни, — или, если угодно использовать континентальный язык, «дома бытия», которые непригодны для «человеческого присутствия». В литературе подробно обсуждается *мереологическая* разновидность категориальной ошибки, часто совершаемой в нейронауках, когда частям существа — мозгу, его разделам, клеткам и т. д. — «приписываются атрибуты, которые логически могут быть приписаны только существу целиком» (Bennett, Hacker, 2021, p. 38). Результатом становится онтология, которую можно назвать редуционистской, или дефляционной, «сдувающей» или понижающей «фундаментальный» уровень бытия относительно человека.

В нашем контексте можно говорить о направленной в противоположную сторону *холистской* категориальной ошибке, когда то же самое проделывается с абстрактными общностями. «Инфляционная» онтология «надувает» псевдосущности, своими масштабами превосходящие человека и поглощающие его. Если мереологическая ошибка ведет к неврологическому и другим разновидностям элитистского техноэнтузиазма, то холистская приводит в движение массы. И то, и другое сегодня прямо угрожает человечеству в лице каждого человека как единственному *правильному* субъекту атрибуции мышления, намерения, действия, опыта и т. д. Кантовский критицизм и сегодня предохраняет от онтологических искажений, имеющих множество вредных последствий. Всегда приписывай агентность только

responsibility to anything other than a living being such as human is a kind of *category mistake*, wrong use of language which produces nonsense, such as the sentence “Saturday is in bed”, which creates pseudo-worlds which we cannot explain to ourselves (Magidor, 2022), towers of Babel — or, to use continental language, “houses of being” unfit for “human presence”. The literature discusses in detail the *mereological* variety of the category mistake frequently committed in neurosciences which “consists in ascribing to a part of a creature attributes which logically can be ascribed only to the creature as a whole” (Bennett and Hacker, 2021, p. 38). The result is an ontology that can be called reductionist or deflationary, which lowers the “fundamental” level of being in relation to the human.

In our context, we can speak about a reverse, *holistic* category mistake when the same thing is done to abstract generalities. “Inflationary” ontology blows up pseudo-entities which are larger than humans and absorb us. While the mereological mistake leads to neurological and other varieties of elitist techno-enthusiasm, the holistic mistake sets the masses in motion. Today, both of these pose a direct threat to humanity insofar as the person of every human being is the sole subject to which thought, intentions, actions, experience, etc. can be *rightly* attributed. Kantian criticism to this day protects against ontological distortions which have multiple harmful consequences. Ascribe agency only to human beings: this is how the second formulation of the categorical imperative may sound today.¹⁵

¹⁵ It would not come amiss to mention that Michel Callon (2001) warns against imputing agency to actors/actants, and Bruno Latour uses “agency” agnostically to preserve “uncertainty”, such that “the type of agencies participating in interaction seems to remain wide open” (Latour, 2005, p. 22). Activity in the actor-network theory is not identical to philosophical agency and does not claim to draw ontological conclusions, a claim sometimes enthusiastically ascribed to it.

лишь человеку — так может звучать актуальная вариация второй формулы категорического императива¹⁵.

Следует сказать, что самого Канта иногда критикуют за реификацию безличного «трансцендентального субъекта». Справедливость этой критики и успешность попыток замены трансцендентального субъекта другим, более конкретным, «действующим лицом», например реифицированным пролетариатом как «субъект-объектом» исторического процесса в критике Лукача (Лукач, 2003, с. 179–302), требует специального обсуждения. Здесь мы лишь укажем на центральное значение конкретной личности в практическом отношении, которое для Канта имеет примат над теоретической областью, средой обитания абстракции трансцендентального субъекта. О центральном значении личности Кант пишет, например, в «Религии в пределах только разума»: «Задатки личности — это способность воспринимать уважение к моральному закону как сам по себе достаточный мотив произвола. <...> ...идею морального закона с неотделимым от нее уважением к нему нельзя назвать задатками личности; она уже сама личность...» (AA 06, S. 27–28; Кант, 1980, с. 97–98). Признание неустранимого значения конкретной личности во всяком осмысленном практическом опыте, невозможном без личного поступка, свободы и ответственности, имеет центральное значение в кантовской философии и не получает достаточного внимания в современных дискуссиях.

Вторая задача — унять гностический ужас, овладевающий экзальтированными умами в мире видимости и толкающий к мироразрушительным «подвигам». Его происхождение объясняет Йонас:

¹⁵ Здесь на всякий случай следует сказать, что Мишель Каллон предупреждает от наделения акторов / актантов агентностью (Callon, 2001), а Бруно Латур употребляет «агентность» агностически, чтобы сохранить «неопределенность» и «оставить открытой категорию агентов, участвующих во взаимодействии» (Латур, 2014, с. 36). Активность в акторно-сетевой теории не тождественна философской агентности и не претендует на онтологические выводы, иногда ей увлеченно приписываемые.

It is important to note that Kant himself is sometimes criticised for reifying the impersonal “transcendental subject”. The merits of this criticism and the success of the attempts to replace the transcendental subject with another, more concrete “actor” — for example, a reified proletariat as the “subject-object” of the historical process in the critique of Lukacs (1972, pp. 83-222) — calls for a separate discussion. At this point, it is enough to stress the central role of the concrete individual in practical terms, which for Kant has primacy over the theoretical sphere, the habitat of the transcendental subject abstraction. Kant writes about the centrality of the personality, for example, in *Religion Within the Bounds of Bare Reason*: “The predisposition to personality is the susceptibility to respect for the moral law as of itself a sufficient incentive to the power of choice. [...] The idea of the moral law alone, together with the respect that is inseparable from it, cannot be properly called a predisposition to personality; it is personality itself” (RGV, AA 06, pp. 27-28; Kant, 1996a, p. 76). Recognition of the abiding significance of personality in all meaningful practical experience, which is impossible without a personal act, freedom, and responsibility, is central to Kant’s philosophy, a fact that does not get its due share of attention in modern discourse.

The second task is to mitigate the gnostic horror that takes possession of inflamed minds in the world of appearance and prompts world-destroying “feats”. Jonas explains its origin thus:

A universe without an intrinsic hierarchy of being, as the Copernican universe is, leaves values ontologically unsupported, and the self is thrown back entirely upon itself in its quest for meaning and value. Meaning is no longer found but is “conferred”. Values are no longer be held in the vision of objective reality, but are posited as feats of valuation. As functions of the will, ends are solely my own creation.

Вселенная без внутренней иерархии бытия, какой является вселенная Коперника, покидает ценности, онтологически неподдерживаемые, и самость оказывается полностью предоставленной самой себе при суждении о значениях и ценностях. Значение больше не находится, но «даруется». Ценности больше не видятся в свете объективной реальности, но постулируются как подвиги оценки. Как функции воли, цели являются единственно моим собственным творением. Воля заменяет видение; временный характер действия вытесняет вечность «бога в себе». Это ницшеанская стадия данной ситуации, поверхность которой разрушил европейский нигилизм. Теперь человек остается наедине с самим собой (Ионас, 1998, с. 323).

Критический переворот Канта призван *компенсировать* эти неожиданные перегрузки от переворота Коперника и современной революции — избавить человека от мирового одиночества, от переживания радикальной заброшенности, предостеречь от «слабосильного бунта» или добровольного несовершеннoleтия, «бегства от свободы», указать на значения и ценности внутри самого человека. Критическая философия призвана вернуть «ориентацию в мышлении», с которой возвращаются ориентация в мировом процессе и в индивидуальной деятельности; она — «пилюля» от «морской болезни» современности. В теоретическом отношении Кант обосновывает необходимость смириться с ограниченностью и локальностью человеческой перспективы — надежен, то есть универсален, лишь голый безжизненный «остров» чистого рассудка в «бушующем океане иллюзий», в который все равно приходится отправиться (A 235 / B 295; Кант, 2006, с. 391). В практическом же Кант, наоборот, пытается обосновать демиургическую роль человека в творимом человеческой моральной волей (*Wille*), но также и внеморальным произволением (*Willkur*) «царстве», грядущей «земле обетованной».

Will replaces vision; temporality of the act ousts the eternity of the “good in itself”. This is the Nietzschean phase, of the situation in which European nihilism breaks the surface. Now man is alone with himself (Jonas, 2001, pp. 323-324).

Kant’s critical revolution is called upon to *compensate* for these unexpected overloads caused by the Copernican revolution and the modern revolution, and to rid human beings of loneliness in the world, of a sense of being abandoned, to warn against “weak revolt” or self-incurred immaturity, “flight from freedom”, and to point to the meanings and values intrinsic to human being. Critical philosophy is called upon to bring back “orientation in thought” which facilitates orientation in the world process and in individual activity; it is a “pill” for the “seasickness” of the modern age. In theoretical terms, Kant grounds the need for humans to confine themselves to the limited and local human perspective: only the bare lifeless “island” of reason is reliable, that is, universal in the “stormy ocean of illusion” which nevertheless has to be navigated (*KrV*, A 235 / B 295; Kant, 1998, p. 339). In practical terms, Kant, on the contrary, tries to ground the demiurgic role of humans in the “kingdom” being created by man’s moral will (*Wille*), but also by extra-moral volition (*Willkur*), the future “promised land”.

Left to themselves, humans inspect their storm-battered boat. Like in pre-modernity, the question of the good is key to practice. “What could be good in our current situation?” we ask ourselves. The Kantian answer is almost analytical: the very ability to ask the question about the good and the will to work toward it is “good will”. “It is impossible to think of anything at all in the world, or indeed even beyond it, that could be considered good without limitation except a **good will**” (*GMS*, AA 04, p. 393; Kant, 1996, p. 49).

«Оставшийся наедине с самим собой» человек инспектирует свою попавшую в шторм лодку. Как и до современности, важнейшим в практике является вопрос о благе. «Что может быть благом в моей нынешней ситуации?» — спрашивает он себя. Кантовский ответ почти аналитичен: сама разумная способность задаваться вопросом о благе и волевая способность деятельно стремиться к нему, то есть «добрая воля». «Нигде в мире, да даже вне его, невозможно мыслить ничего, что могло бы считаться без ограничения добрым, кроме только **доброй воли**» (AA 04, S. 393; Кант, 1997, с. 59).

Каким может и должен быть способ действия доброй воли? Такая воля не может действовать с мнимых «высот апофеоза», якобы достижимых без предшествующей критики и неподотчетных разуму (AA 08, S. 390; Кант, 1994а, с. 485). Подотчетность разуму означает соответствие его априорным практическим принципам, не зависящим от нашей эмпирической ситуации (AA 04, S. 390; Кант, 1997, с. 49). Иными словами, добрая воля может быть только законосообразной, ее действия могут быть лишь исполнениями подпадающих под общее правило частных случаев и не могут быть децизионистскими чрезвычайными актами. Любой случай, кажущийся исключительным, должен и может перестать им казаться, получив ту или иную квалификацию в терминах принципов разума. Сознание наличия и иллюзорности разумной доброй воли рассеивает иллюзию головокружения и дезориентации как сущностного свойства всей современной ситуации и не дает трактовать эту ситуацию как дрящущееся чрезвычайное положение, в котором «все дозволено». Кант утверждает, что обретение ориентации не требует специальных спекулятивных усилий и доступно обычному человеческому разуму, который «с этим компасом [своего принципа] в руках, во всех представляющихся случаях очень хорошо умеет различить, что хорошо и что дурно, что сообразно с долгом и что ему противоречит...» (AA 04, S. 403; Кант, 1997, с. 91).

How can and must a good will act? Such a will cannot act from “soaring apotheosis”, allegedly attainable without prior critique and not accountable to reason (VT, AA 08, p. 390; Kant, 2002, p. 432). Accountability to reason means conformity with its *a priori* practical principles, which do not depend on our empirical condition (GMS, AA 04, p. 390; Kant, 1996, p. 45). In other words, good will can only be exercised under law, its acts can merely fulfil individual cases under a general rule and cannot be decisionist, extraordinary acts. Any case that seems to be exceptional must and can cease to be perceived as exceptional by being qualified in terms of the principles of reason. The awareness of good will’s non-illusory existence dispels the illusion of dizziness and disorientation being the essential properties of the modern condition, and prevents this condition from being interpreted as a lasting state of exception in which “anything goes”. Kant maintains that finding one’s bearings does not require special speculative efforts and is accessible to ordinary human reason, which, “with this compass in hand, knows very well how to distinguish in every case that comes up what is good and what is evil, what is in conformity with duty or contrary to duty” (GMS, AA 04, S. 404; Kant, 1996, p. 58).

Kant describes the workings of this “moral compass” in the formulations of the categorical imperative: the end is humanity in every person, the bearings are taken in the form of deliberative attempts to universalize maxims, and the destination, the “Ithaca” of the journey is “the kingdom of ends”. The readings on that compass will not always be certain: the concept of humanity is multi-faceted (Chaly, 2021), maxims may turn out to be temporary, local and defeasible (Chaly, 2022), any human obviously falls short of being a “universal law-giver” in reality beyond a thought experiment, and the coherence of all the laws of nature and free-

Устройство этого «морального компаса» Кант раскрывает в формулах категорического императива: целью является человечество в лице каждого, сверка осуществляется делиберативными попытками универсализации максим, а итогом, «Итак» путешествия выступает «царство целей». Показания этого «компас» не всегда будут определенными: понятие «человечества» сложно и многозначно (Chaly, 2021), универсализируемость максимы может оказаться временной и локальной, модифицируемой (Чалый, 2022), позиция «всеобщего законодателя» в действительности, а не в мысленном эксперименте человеку явно несоразмерна, а именуемая «царством целей» когерентность всех законов природы и свободы превышает нашу способность представления и в лучшем случае, если вообще возможна¹⁶, выглядит далеким регулятивом. Однако, по мнению Канта, этих показаний достаточно, чтобы продолжать движение и не терять надежды. Его моральный критицизм противостоит и скептическому разочарованию, ведущему к релятивизму либо к мечтательному упованию контрпросвещения на отчего-то заботливое внешнее управление, и догматическому энтузиазму, не понимающему меры сложности задач и спешащему навстречу ошибкам. На кантианском корабле, по замыслу, не должно быть ни бунта, ни капитуляции, ни безразсудства.

Работе «морального компаса» мешает естественное искажение, «девиация», которую Кант подробно описывает в «Религии в пределах только разума». Человек «хрупок», «недобросовестен» и «злонравен» (AA 06, S. 29–30; Кант, 1980, с. 100), попустительствует наруше-

¹⁶ Кант сам указывает на присущий природе антагонизм и прославляет раздор (AA 08, S. 20–22; Кант, 1994б, с. 91–95) и даже войну философскую (AA 08, S. 414; Кант, 1994г, с. 533), а также готов признать некоторое позитивное значение у войны буквальной (AA 05, S. 263, 433; Кант, 2001, с. 299, 703–705). Будет ли этот природный антагонизм сохраняться в «царстве целей» и в какой форме — остается вопросом.

dom, called “the kingdom of ends”, exceeds our capacity of representation, resembling at best a remote regulative ideal, if attainable at all.¹⁶ And yet Kant believes these readings are sufficient to continue moving and not to lose hope. His moral critique challenges both sceptical disenchantment, which leads to relativism or starry-eyed counter-enlightenment hope for some inexplicably benign external guidance, and dogmatic enthusiasm, which is unaware of the complexity of its tasks and rushes headlong toward making mistakes. On the Kantian ship, there should be neither mutinies, nor capitulation, nor recklessness.

The work of the “moral compass” is hindered by the natural “deviation”, which Kant describes in detail in *Religion within the Bounds of Bare Reason*. Human being is “frail, impure, depraved” (RGV, AA 06, pp. 29-30; Kant, 1996a, p. 77), condones the violation of the order of personal motivation and its corruption by selfishness. Kant doubts that humans can challenge the inner moral law “in rebellious attitude” (RGV, AA 06, S. 36; Kant, 1996a, p. 82), but the subsequent course of modernity has produced a whole gallery of types of the “underground man” or the modern gnostic, to use Jonas’s terminology, which puts into question Kant’s complacency. Nevertheless, rebellion serves as additional evidence of human freedom (SF, AA 07, p. 85; Kant, 1996b, p. 302), bringing back the Kantian question of how to make the best use of it. Human capacity to do evil, which is inevitably linked to the capacity to be free, gives no grounds for the return of complaints, “as

¹⁶ Kant himself points to nature’s inherent antagonism and praises discord (*laG*, AA 08, pp. 20-22; Kant, 2007, pp. 110-112) and even philosophical war (*VNAEF*, AA 08, p. 414; Kant, 2002b, p. 453), and is prepared to concede that real war may have some positive significance (*KU*, AA 05, p. 263, 433; Kant, 2000, p. 146, 300). Whether this natural antagonism will survive in “the kingdom of ends” and in what form remains a question to be answered.

ниям порядка собственной мотивации, ее извращению себялюбием. Кант сомневается, что человек способен восстать против внутреннего закона «как мятежник» (AA 06, S. 36; Кант, 1980, с. 106), однако дальнейший ход современности продемонстрировал целую галерею типажей «подпольного человека» или, в терминологии Йонаса, современного гностика, ставящую под вопрос кантовское благодушие. Тем не менее бунт становится дополнительным свидетельством в пользу человеческой свободы (AA 07, S. 85; Кант, 1994ж, с. 102) и возвращает к кантовскому вопросу о ее наилучшем применении. Способность человека к злу, необходимым образом связанная со способностью к свободе, не дает оснований для возвращения старых, как «религия жрецов», жалоб на якобы захватившие контроль над миром злые силы (AA 06, S. 18; Кант, 1980, с. 89).

Кантовская философия истории не просто описывает, но *дедуцирует из свойств путешественника* карту местности и предстоящий ему маршрут, ведущий к осуществлению предназначения человеческого рода. Трансцендентальная дедукция из хаоса мировых событий как-если-бы-существующего «замысла Природы» (AA 08, S. 18–22; Кант, 1994б, с. 83–95) и ее «гарантии» (AA 08, S. 360–368; Кант, 1994е, с. 405–425) призвана указать рулевым цель и сохранить команде надежду и оптимизм в суровых поворотах истории, «повторяющих погружение после подъема» (см.: AA 07, S. 169 Anm.; Кант, 1994а, с. 190 примеч.). Кант отстаивает очевидность целесообразности природного процесса и ответственность человека как его (со)автора и исполнителя. Признание генерального замысла должно позволить каждому члену экипажа осознать свое место и роль и перейти от бессмысленных грез и хаотичного поведения к осмысленной и слаженной деятельности, позволяющей обоснованно надеяться на успех предприятия.

old as [...] the religion of the priests" (RGV, AA 06, p. 18; Kant, 1996a, p. 69), about evil forces which have seized control over the world.

Kant's philosophy of history does not just describe but *deduces from the properties of the traveler* the map of the terrain and the route leading to the fulfilment of the mission of the human race. Transcendental deduction of the presumed "plan of Nature" (*IaG*, AA 08, pp. 18; Kant, 2007b, p. 109) from the chaos of world events and its "guarantee" (*ZeF*, AA 08, pp. 360-368; Kant, 1996d, pp. 331-337) is called upon to point out the aim to the helmsman, and to preserve the crew's hope and optimism at severe turns of history, "recur[ing] falling after the rising" (*Anth*, AA 07, p. 169 Anm.; Kant, 2007, p. 280n). Kant upholds the obvious purposiveness of the natural process and humanity's responsibility as its (co)author and executor. Recognition of the existence of the master plan should enable every member of the crew to understand their place and role and pass from meaningless dreams and chaotic behaviour to a meaningful and concerted activity which gives grounds for hope that the enterprise will be successful.

Conclusion

No philosophical doctrine possesses apodictic certainty, i.e. it does not necessarily turn the one who becomes familiar with it into its follower. In the modern philosophical tailor shop, garments are chosen at will or on a whim of the customer, and depend on the consumer's imagination. It has to be admitted that today, like a hundred years ago, the Kantian "suit" is going out of fashion. However, this does not make it a less effective tool. It has been cut with detailed and precise knowledge of the human physique and its needs in modern conditions, with an awareness of the stresses and loads experienced by an autonomous traveller away

Заключение

Ни одна философская доктрина не обладает аподиктической достоверностью, то есть не превращает ознакомившегося с ней в ее последователя с необходимостью. В современном мировоззренческом ателле наряды выбираются по желанию и прихоти потребителя и зависят от потребительского воображения. Приходится признать, что, как и сто лет назад, кантианский «костюм» выходит из моды. Однако это не делает его менее эффективным рабочим инструментом. Он скроен с подробным и точным пониманием человеческой конституции и ее потребностей в современных условиях, с пониманием перегрузок и напряжения, выпадающих на долю автономного путешественника, оторванного от дома. В нем придется не щеголять или кривляться, но работать, превозмогая тошноту, — тянуть канаты, драить палубу, терпеливо убирать за теми, кого укачало, успокаивать отчаявшихся, разнимать дерущихся и в целом пытаться не дать превратить судно в корабль дураков, идущий к крушению. Возможно, это не тот парадный облик, в котором кантианцам хотелось подойти к трехсотлетию великого философа, но юбилей, пусть и большой, — это не итог, а событие в пути.

Данная публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2019-1929 «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах», реализуемый на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

Список литературы

Герье В. И. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб. : Печ. В. И. Головина, 1871.

Гиппиус З. Н. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения // Собр. соч. : в 15 т. М. : Русская книга, 2002. Т. 6.

from home. In this suit, one is not to preen but, overcoming seasickness, to do the hard work: pull the ropes, scrub the deck, patiently clean up after those who have fallen sick, calm down those who have succumbed to despair, separate those who fight, and, in general, try to prevent the vessel from becoming a ship of fools heading for a wreck. Perhaps this is not the festive look the Kantians would have liked to assume as they celebrate the tercentenary of the great philosopher; but then a jubilee, no matter how significant, is not the end, but a milestone along the way.

This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation grant no. 075-15-2019-1929, project “Kantian Rationality and Its Impact in Contemporary Science, Technology, and Social Institutions” provided at the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad.

References

Anon., 1885. Bismarck’s Iron Ring. *The New York Times*. November 25, sec. Archives. Available at: <<https://www.nytimes.com/1885/11/25/archives/bismarcks-iron-ring.html>> [Accessed 11 December 2023].

Anon., 1886. Bismarck’s Ring. *Colonist*. January 12. Available at: <<https://paperspast.natlib.govt.nz/news-papers/TC18860112.2.14>> [Accessed 11 December 2023].

Bennett, M. R. and Hacker, P. M. S., 2021. *Philosophical Foundations of Neuroscience*. Oxford: John Wiley & Sons.

Bernasconi, R., 2002. Kant as an Unfamiliar Source of Racism. In: J. K. Ward and T. L. Lott, eds. 2002. *Philosophers on Race: Critical Essays*. Oxford: Blackwell, pp. 145-166 <https://doi.org/10.1002/9780470753514.ch8>.

Blumenberg, H., 2011. *Paradigms for a Metaphorology*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.

Callon, M., 2001. Actor Network Theory. In: N. J. Smelser and P. B. Baltes, ed. 2001. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Oxford: Pergamon, pp. 62-66. <https://doi.org/10.1016/B0-08-043076-7/03168-5>.

Жаворонков А. Г. Разум как привилегия европейцев? Кант и проблема расизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 89–96.

Ионас Х. Гностицизм (Гностическая религия) / пер. К. А. Шукина. СПб. : Лань, 1998.

Кант И. Религия в пределах только разума // Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 78–278.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 7. С. 137–376.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Ками, 1994б. Т. 1. С. 79–123.

Кант И. О недавно возникшем барском тоне в философии // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Ками, 1994в. Т. 1. С. 479–527.

Кант И. Провозглашение близкого заключения соглашения о вечном мире в философии // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 1. М. : Ками, 1994г. Т. 1. С. 528–557.

Кант И. Рецензии на книгу И. Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (Части 1, 2) // Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. М. : Чоро, 1994д. С. 38–62.

Кант И. К вечному миру // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 1. М. : Ками, 1994е. Т. 1. С. 353–477.

Кант И. Спор факультетов // Собр. соч. : в 8 т. Т. 7. М. : Чоро, 1994ж. С. 57–136.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 39–275.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 4. М. : Ками, 2001. С. 64–957.

Кант И. Критика чистого разума (В) // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 2. Ч. 1. М. : Наука, 2006.

Козырев А. П. Соловьёв и гностики. М. : Издатель Савин С. А., 2007.

Коперник Н. О вращениях небесных сфер / пер. И. Н. Веселовского. М. : Наука, 1964.

Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / пер. И. Полонской. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

Лейбниц Г. В., Герье В. И. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1873.

Лукач Г. История и классовое сознание: исследования по марксистской диалектике / пер. С. Н. Земляного. М. : Logosaltera, 2003.

Chaly, V., 2020. Immanuel Kant – Racist and Colonialist? *Kantian Journal*, 39(2), pp. 94-98. <https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2020-2-5>.

Chaly, V., 2021. Kant's Menschheit and Its Interpretations. *Con-Textos Kantianos. International Journal of Philosophy*, 14, pp. 327-343. <https://dx.doi.org/10.5281/zenodo.5776039>.

Chaly, V., 2022. Towards Kantian Moral Fallibilism: Underdetermination in Deliberation under the First Formula of Categorical Imperative. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 1, pp. 105-114. (In Rus.)

Chaly, V. 2023. Kant and 'tabula Russia'. *Con-Textos Kantianos. International Journal of Philosophy*, 18, pp. 153-162. <https://doi.org/10.5209/kant.91754>.

Chepurin, K. and Dubilet, A., 2019. Russia's Atopic Nothingness: Ungrounding the World-Historical Whole with Pyotr Chaadaev. *Angelaki*, 24(6), pp. 135-151. <https://doi.org/10.1080/0969725x.2019.1684705>.

Copernicus, N., 1995. *On the Revolutions of Heavenly Spheres*. New York: Prometheus Books.

Culianu, I.P., 1992. *The Tree of Gnosis: Gnostic Mythology from Early Christianity to Modern Nihilism*. San Francisco: Harper San Francisco.

Eze, E., 1997. The Color of Reason: The Idea of 'Race' in Kant's Anthropology. In: E.C. Eze, ed. 1997. *Postcolonial African Philosophy: A Critical Reader*. Oxford: Blackwell Publishers, pp. 103-140.

Fisette, J.R., 2022. At the Bar of Conscience: A Kantian Argument for Slavery Reparations. *Philosophy & Social Criticism*, 48(5), pp. 674-702. <https://doi.org/10.1177/01914537211001916>.

Fogelin, R. J. and Duggan, T. J., 1987. Fallacies. *Argumentation*, 1(3), pp. 255-262. <https://doi.org/10.1007/bf00136777>.

Gippius, Z.N., 2002. Zhivye litsa [Living Names]. In: Z. Gippius Z. *Sobr. soch v 15 t. [Collected Works in 15 Volumes]: Volume 6*. Moscow: Russkaja kniga, pp. 5-102. (In Rus.)

Guerrie, V. I., 1871. *Otnosheniya Lejbnica k Rossii i Petru Velikommu po neizdannym bumagam Lejbnica v Gannoverskoj biblioteke [Leibniz's relations to Russia and Peter the Great according to Leibniz's unpublished papers in the Hannover Library]*. Sankt-Peterburg: Pechatnya V. I. Golovina. (In Rus.)

Herskowitz, D. M., 2022. Reading Heidegger against the Grain: Hans Jonas on Existentialism, Gnosticism, and Modern Science. *Modern Intellectual History*, 19(2), pp. 527-550. <https://doi.org/10.1017/S147924432100010X>.

Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем / пер. Н. С. Плотникова // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–113.

Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 2. С. 300–334.

Уайтхед А. Н. Наука и современный мир / пер. А. Ф. Грязнова и др. под ред. М. А. Кисселя // Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. С. 100–271.

Чалый В. А. Иммануил Кант — расист и колониалист? // Кантовский сборник. 2020. Т 39, № 2. С. 94–98. doi: 10.5922/0207-6918-2020-2-5.

Чалый В. А. К кантианскому моральному фаллибилизму: недоопределенность в рассуждениях по первой формуле категорического императива // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2022. № 1. С. 105–114.

Bennett M. R., Hacker P. M. S. *Philosophical Foundations of Neuroscience*. Oxford : John Wiley & Sons, 2021.

Bernasconi R. Kant as an Unfamiliar Source of Racism // *Philosophers on Race: Critical Essays* / ed. by J. K. Ward, T. L. Lott. Oxford et al. : Blackwell, 2002. P. 145–166. doi: 10.1002/9780470753514.ch8.

Bismarck's Iron Ring // The New York Times. 1885. November 25, sec. Archives. URL: <https://www.nytimes.com/1885/11/25/archives/bismarcks-iron-ring.html> (дата обращения: 11.12.2023).

Bismarck's Ring // *Colonist*. 1886. January 12. URL: <https://paperspast.natlib.govt.nz/newspapers/TC18860112.2.14> (дата обращения: 11.12.2023).

Blumenberg H. *Paradigms for a Metaphorology*. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2011.

Callon M. Actor Network Theory // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / ed. by N. J. Smelser, P. B. Baltes. Oxford : Pergamon, 2001. P. 62–66. doi: 10.1016/B0-08-043076-7/03168-5.

Chaly V. Kant's *Menschheit* and Its Interpretations // *Con-Textos Kantianos*. International Journal of Philosophy. 2021. № 14. P. 327–343.

Chaly V. Kant and 'Tabula Russia' // *Con-Textos Kantianos*. International Journal of Philosophy. 2023. № 18. P. 153–162.

Chepurin K., Dubilet A. Russia's Atopic Nothingness: Ungrounding the World-Historical Whole with Pyotr Chaadaev // *Angelaki*. 2019. Vol. 24, № 6. P. 135–151. doi: 10.1080/0969725x.2019.1684705.

Culianu I. P. *The Tree of Gnosis: Gnostic Mythology from Early Christianity to Modern Nihilism*. San Francisco : Harper San Francisco, 1992.

Hotam, Y., 2007. Gnosis and Modernity — a Postwar German Intellectual Debate on Secularisation, Religion and 'Overcoming' the Past. *Totalitarian Movements and Political Religions*, 8(3/4), pp. 591-608.

James, W., 1988. The Meaning of Truth. In: W. James, 1988. *Writings 1902-1910*. New York, N. Y.: Library of America, pp. 824-978.

Jonas, H., 1934. *Gnosis und spätantiker Geist*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Jonas, H., 1952. Gnosticism and Modern Nihilism. *Social Research*, 19(4), pp. 430-452.

Jonas, H., 2001. *The Gnostic Religion: The Message of the Alien God & the Beginnings of Christianity*. Third Edition. Beacon Press.

Kant, I., 1996a. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Edited by and translated by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 37-108.

Kant, I., 1996b. *Religion within the Boundaries of Mere Reason*. In: I. Kant, 1996. *Religion and Natural Theology*. Edited by and translated by A. Wood, G. Di Giovanni. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 39-216.

Kant, I., 1996c. *Toward Perpetual Peace*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Edited by and translated by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 311-351.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited by and translated by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Edited by P. Guyer, translated by P. Guyer and E. Matthews. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002a. On a Recently Prominent Tone of Superiority in Philosophy. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by A. Wood and P. Guyer, translated by P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 429-445.

Kant, I., 2002b. *Proclamation of the Imminent Conclusion of a Treaty of Perpetual Peace in Philosophy*. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by and translated by P. Heath and H. Allison. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 451-460.

Kant, I., 2007a. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by and translated by R.B. Loudon and G. Zöllner. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 227-429.

Eze E. The Color of Reason: The Idea of 'Race' in Kant's Anthropology // *Postcolonial African Philosophy: A Critical Reader*. Oxford : Blackwell, 1997. P. 103–140.

Fissette J.R. At the Bar of Conscience: A Kantian Argument for Slavery Reparations // *Philosophy & Social Criticism*. 2022. Vol. 48, № 5. P. 674–702. doi: 10.1177/01914537211001916.

Fogelin R. J., Duggan T. J. Fallacies // *Argumentation*. 1987. Vol. 1, № 3. P. 255–262. doi: 10.1007/bf00136777.

Herskowitz D. M. Reading Heidegger against the Grain: Hans Jonas on Existentialism, Gnosticism, and Modern Science // *Modern Intellectual History*. 2022. Vol. 19, № 2. P. 527–550. doi: 10.1017/S147924432100010X.

Hotam Y. Gnosis and Modernity – a Postwar German Intellectual Debate on Secularisation, Religion and 'Overcoming' the Past // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2007. Vol. 8, № 3/4. P. 591–608.

James W. The Meaning of Truth // *James W. Writings 1902–1910* / ed. by F. Bowers, I.K. Skrupskelis. N.Y. : Library of America, 1988. P. 824–978.

Jonas H. *Gnosis und spätantiker Geist*. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1934.

Jonas H. Gnosticism and Modern Nihilism // *Social Research*. 1952. Vol. 19, № 4. P. 430–452.

Jonas H. *The Gnostic Religion: The Message of the Alien God & the Beginnings of Christianity*. 3rd ed. Boston, MA : Beacon Press, 2001.

Kleingeld P. Kant's Second Thoughts on Race // *The Philosophical Quarterly*. 2007. № 57 (229). P. 573–592.

Lu-Adler H. *Kant, Race, and Racism: Views from Somewhere*. N. Y. : Oxford University Press, 2023.

Magidor O. Category Mistakes // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2022 Edition) / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. Stanford, 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/category-mistakes/> (дата обращения: 11.12.2023).

O'Regan C. *Gnostic Return in Modernity*. Albany, NY : SUNY Press, 2001.

O'Regan C. *Gnostic Apocalypse: Jacob Boehme's Haunted Narrative*. Albany, NY : SUNY Press, 2002.

Podhajecka M. Revising the History of 'Nitchivo' with Text Archives // *Studia Anglica Posnaniensia*. 2022. Vol. 57, №1. P. 279–313. doi: 10.14746/stap.2022.57.12.

Putnam H. *Reason, Truth and History*. Cambridge : Cambridge University Press, 1981. doi: 10.1017/CBO9780511625398.

Kant, I., 2007b. Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Louden., translated by A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 107-120.

Kant, I., 2007c. Review of J. G. Herder's Ideas for the Philosophy of the History of Humanity. Parts 1 and 2. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Louden., translated by A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 121-142.

Kleingeld, P., 2007. Kant's Second Thoughts on Race. *The Philosophical Quarterly*, 57(229). pp. 573-592.

Kozyrev, A.P., 2007. *Solov' jov i gnostiki* [*Solovyov and the Gnostics*]. Moscow: Izdatel' Savin S.A. (In Rus.)

Latour, B., 2005. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press.

Leibniz, G. W., Guerie, V.I. 1873. *Sbornik pisem i memorialov Lejbnica, odnosjashihsjja k Rossii i Petru Velikomu* [*A Collection of Leibniz's Letters and Memorials Related to Russia and Peter the Great*]. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk. (In Rus.)

Lu-Adler, H., 2023. *Kant, Race, and Racism: Views from Somewhere*. New York, N. Y.: Oxford University Press.

Lübbe, H., 2013. *Im Zug der Zeit. Verkürzter Aufenthalt in der Gegenwart. Second Edition*. Berlin & Heidelberg: Springer.

Lukacs, G., 1972. *History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics*. New Haven: MIT Press.

Magidor, O., 2022. Category Mistakes. In: E. N. Zalta and U. Nodelman, 2022. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2022 Edition). Available at: <<https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/category-mistakes/>> [Accessed 11 December 2023].

O'Regan, C., 2001. *Gnostic Return in Modernity*. Albany, N.Y.: SUNY Press.

O'Regan, C., 2002. *Gnostic Apocalypse: Jacob Boehme's Haunted Narrative*. Albany, N. Y.: SUNY Press.

Plekhanov, G. V., 1956. The Role of the Individual in History. In: G. V. Plekhanov, 1956. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 5 tomakh*. [Selected Philosophical Works in Five Volumes]. Volume 2. Moscow: Gospolitizdat, pp. 300-334. (In Rus.)

Podhajecka, M., 2022. Revising the History of 'Nitchivo' with Text Archives. *Studia Anglica Posnaniensia*, 57, pp. 279-313. <https://doi.org/10.14746/stap.2022.57.12>.

Putnam, H., 1981. *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511625398>.

Rjabowa Ja. Otto von Bismarcks russische Spuren // Russia Beyond DE. 2015. 3 April. URL: https://de.rbth.com/kultur/2015/04/03/otto_von_bismarcks_russische_spuren_33309 (дата обращения: 11.12.2023).

Styfhals W. No Spiritual Investment in the World: Gnosticism and Postwar German Philosophy. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2019.

Об авторе

Вадим Александрович **Чалый**, доктор философских наук, философский факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; лаборатория «Кантианская рациональность», Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: vadim.chaly@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7570-3382>

Для цитирования:

Чалый В. А. Кант и «морская болезнь» современности // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 1. С. 76–102.

doi: [10.5922/0207-6918-2024-1-4](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-4)

© Чалый В. А., 2024.

Styfhals, W., 2019. *No Spiritual Investment in the World: Gnosticism and Postwar German Philosophy*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.

Whitehead, A.N., 1948. *Science and the Modern World: Lowell Lectures, 1925*. New York, N. Y.: New American Library.

Zhavoronkov, A.G., 2021. Reason as a Privilege of Europeans? Kant and the Problem of Racism. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 60, pp. 89-96. <https://www.doi.org/10.17223/1998863X/60/9>. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Prof. Dr Vadim A. **Chaly**, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Kantian Rationality Lab & Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

E-mail: vadim.chaly@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7570-3382>

To cite this article:

Chaly, V. A., 2024. Kant and “Seasickness” of Modernity. *Kantian Journal*, 43(1), pp. 76-102.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-4>

© Chaly V. A., 2024.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))